

пенное вымывание из данного понятия заострённых, жгучих значений, связанных с политической нелояльностью. Это, вне всякого сомнения, свидетельствовало об определённых успехах политики Российской империи в «польском вопросе» в тот период.

Очерк С. Гольдина о религиозных, социальных, культурных, политических, расовых и идеологических компонентах понятия «еврей» в Российской империи XVIII–XX вв. отличается взвешенностью и объективизмом. В результате процессов модернизации и ряда правительственных мер евреи как бы «внезапно» появляются на авансцене русской жизни – и как численно заметная группа, и как экономически и интеллектуально влиятельная часть общества. В царствование Александра II из маргинального и экзотического понятие «еврей» превратилось в важное, странно и горячо обсуждаемое. С конца 1870-х гг. оно всё чаще ассоциировалось с революционным движением и нигилизмом, а в 1881–1917 гг. в евреях нередко видели угрозу существованию России и представителей враждебной цивилизации. В то же время погромы и правительственные ограничения создавали им ореол жертвы, исключавший возможность бес-

пристрастной дискуссии об их положении и месте в российском обществе.

А.Л. Котенко, О.В. Мартынюк и А.И. Миллер составили богатую родословную понятия «малоросс», пришедшего в русский язык из Киева на рубеже XVII–XVIII вв. Тщательно прорабатывая различия в словах «малоросс», «украинец», «украинофил», «русский», «великоросс», авторы высказывают предположение, что скроенное по образцу славянофильства выражение «украинофильство» возникло в связи с делом Кириллово-Мефодиевского общества. Жаль только, что в издании, которое является совместным проектом Германского исторического института в Москве и издательства «НЛО», не оказалось статьи о понятии «немец», столь важном и значимом в семантике этой противоречивой эпохи.

Авторы статей данного сборника достаточно часто ссылаются друг на друга, и у читателя невольно возникает ощущение синергетической связности их работы, превращающейся в общий совместный труд. В перспективе высказанные ими идеи вполне могли бы послужить основой для создания многотомной коллективной монографии.

С.В. Хатунцев

Т.И. Трошина. От Петра I до Сталина. Социальная история Русского Севера (XVIII – первая четверть XX в.). В 2 ч. Архангельск: Поморский государственный университет, 2009. Ч. 1. 288 с. Ч. 2. 215 с.*

Книга архангельского историка Татьяны Игоревны Трошиной вышла небольшим тиражом в провинциальном издательстве, поэтому долго и трудно искала свой путь к читателю. Монография посвящена исследованию социальной истории Русского Севера, которую автор представила как результат взаимодействия природных, политических, демографических и социальных процессов. Трошина пишет о тройном давлении, рождавшем напряжённость северорусского социума: влиянии суровых природно-климатических факторов, диктате устаревших, ставших неэффективными культурных стереоти-

пов, принесённых сюда переселенцами, и деятельности государства, рассматривавшего население как слепой инструмент реализации своей воли (ч. 1, с. 32–33).

В монографии описаны миграционные процессы XVI–XIX вв., благодаря которым сформировалось население Русского Севера, состоявшее из групп, не связанных между собой общностью происхождения и культурного опыта и отличавшихся приёмами хозяйствования, внешним видом и характером (ч. 1, с. 19). Для населения русских северных земель были характерны активность, предприимчивость, способность к индивидуальному

* Текст подготовлен при поддержке РГНФ, проект № 12-01-00065а.

существованию и принятию решений, готовность брать на себя ответственность и в то же время достаточно гибкая общественная солидарность. Трошина выделяет в числе переселенцев стихийно прибывавших до XVIII в. на пустынные земли Севера промысловиков и старообрядцев, затем – добровольно и принудительно переселяемых в XVIII–XIX вв. крестьян из Центральной России и колонистов пореформенного времени. Северные территории заселялись и путём внутри-региональных миграций. Со временем заинтересованность государства в освоении Севера росла, а населения, напротив, падала. И только в начале XX в. ситуация стала меняться.

Автор представляет свой взгляд на проблему русской общины вообще и северорусской – в частности. Решающую роль в возникновении передельной общины в северных губерниях играло государство, ведь до середины XVIII в. местные черносошные крестьяне свободно торговали землёй. Соответственно, Трошина далека от того, чтобы рассматривать крестьянский коллективизм как наследие архаической социальной солидарности, выросшей из тяжёлых природных условий. Не коллективистским чувством, а опытом жизни в суровых условиях объясняется в книге и существование в северной деревне системы социальной помощи. В отличие от государственной опеки, она помогала крестьянам выживать, но не рождала «захребтников».

Именно в рамках тематики голода и обеспеченности хлебом наиболее очевидны негативные последствия государственного вмешательства в жизнь региона. Желая помочь голодающему крестьянству, государство порождало иждивенческие настроения: и в следующий урожайный год происходила массовая продажа собственного хлеба в надежде на получение казённой помощи. Расширение хлеботорговли через архангельский порт и появление хлебных агентов в сёлах также становилось одной из причин голода, когда крестьяне нерасчётливо продавали урожай.

На перемены в сознании местного населения оказывал воздействие целый ряд факторов: «культурные операторы»

(Церковь, образование), демографические изменения, навязываемые государством социальные отношения (в частности, введение в конце XVIII в. непередельной общины, а затем, в 1831 г. – уже передельной). В результате «общинной коллективизации» XIX в. сложился слой тех, кто не хотел продолжать заниматься земледелием на новых условиях. Скудость земли и вынужденное занятие земледелием толкали крестьян из земледельческих уездов к отхожему промыслу. При этом охотникам-промысловикам, привыкшим к отлучкам из дома, проще было освоить отхожий промысел, чем домоседливым крестьянам-земледельцам, переселившимся из более южных и благодатных земель и столкнувшимся со скудностью местной нивы.

Значительную роль играет в монографии анализ демографической и социально-экономической статистики. Так, интересен вывод о том, что высокие налоги не являлись причиной упадка благосостояния, а наоборот, способствовали интенсификации производства. Именно те категории производителей (удельные крестьяне, «половники», старообрядцы), которые подвергались большему экономическому гнету, показывали лучшие результаты (ч. 1, с. 138–144; ч. 2, с. 126).

В книге собран выразительный материал и о жизни женщин. Например, приток значительного числа пришлых холостяков предопределило «дефицит» невест, за которых женихам приходилось выплачивать «выходные» деньги. Однако введение передельной общины и увеличение численности женского населения понизило статус женщины, что сказалось на распространении системы приданого. В земледельческих и полужемледельческих уездах добрачное поведение вообще, а женское в особенности, контролировалось гораздо больше, чем в промысловых и там, где женщин наделяли земельными участками. Отличается оригинальностью версия автора о механизме формирования слоя советских активисток. Крестьяне командировали на различные съезды и конференции самых бесшабашных или самых рассудительных из крестьянок, полагая, что власть с бабами связываться не станет, и ограждая тем самым себя от

опасных контактов с властными структурами (ч. 1, с. 84).

Используя бытовые очерки рубежа XIX–XX вв. и мемуарную литературу, Трошина отмечает изменения в традиционном крестьянском социуме. Осторожное отношение к смене мест вытеснялось ростом привлекательности заводского труда и городской жизни в глазах крестьян. Но параллельно сохранялись прежние, общинные представления об отрыве от родной среды как симптоме потери социального статуса. Поэтому между отходниками стала формироваться особая мода на «ультра-городские» костюм и поведение.

Много внимания уделено в книге духовенству. Уровень достатка священнослужителей и причта северных губерний опускался одновременно с понижением социального престижа этого рода деятельности. Немаловажную роль играл тот факт, что священникам приходилось жить и работать на территориях со значительным старообрядческим населением. Отношения сельского духовенства и крестьянских общин, замешанные на традиционном представлении о справедливости и общественных обязанностях, начинали носить конфронтационный характер. В частности, в годы революции проявился процесс превращения северных сельских «батюшек» в категорию «классовых врагов» за неимением настоящих помещиков и капиталистов. Революционные события повлияли и на отношения между священниками и причтом, когда этот низший слой церковнослужителей присоединился к борьбе за социальное равенство и, кроме того, обострился конфликт между городским и сельским духовенством, между приходским клиром и благочинными, консисторией, епископом. Нечто подобное происходило и за монастырскими стенами: там также появлялись агитаторы «за самовластие братии без участия настоятеля».

Показана в монографии и противоречивая роль монастырей в истории Севера. Они выступали одновременно как агент экономического закабаления местного населения, и как его просветитель и инициатор освоения богатств сурового края. Под влиянием правительственной политики и демографических изменений

второй половины XIX в. происходило окрестьянивание состава монашествующих, увеличение численности насельниц в женских монастырях, а также наращивание экономической мощи монастырей, когда многие обитатели начали заниматься промыслами.

Очерк, посвящённый провинциальной бюрократии, ставит под сомнение многие расхожие представления и передаёт всё многообразие типажей местного чиновничества. Давнишние «целовальники», безвозмездно исполнявшие государственную службу, покрывая возникавшие потери из собственного кармана или по принципу круговой поруки, передали гражданским чиновникам, исполнявшим обязанности за жалование, весь набор своих качеств. Оригинальный, архивный материал свидетельствует о практике взаимодействия чиновников и ревизоров с крестьянами и мещанами. Главной проблемой администрации северных губерний была хроническая нехватка кадров, поскольку отправленные сюда в качестве наказания чиновники далеко не всегда были образцовыми служащими.

Если в других регионах страны отношения купечества и крестьянства не являлись существенным фактором социальной действительности, то на Русском Севере в связи с существованием купцов-землевладельцев, выступавших в качестве арендодателей, они были весьма напряжёнными. Не этим ли объяснялись распространённые здесь представления о позорности купеческого звания, под влиянием которого даже успешные купцы из числа архангелогородцев покидали сословие? (Трошина связывает это с либерализацией законодательства и отменой сословных привилегий, делавших звание купца непривлекательным.)

В книге анализируются усилия государства в сфере народного просвещения, которые натолкнулись на Русском Севере на сопротивление традиционной народной «книжности», имевшей староверческий характер. Поэтому наиболее многочисленной группой среди обучающихся в государственных училищах оказывались дети-сироты или дети из бедных, многодетных семей. Действительно массовый интерес к школе возник в связи с введе-

нием обязательной воинской повинности и предоставлением льготы в виде сокращения срока службы в зависимости от уровня образования. В этом региональные процессы совпадали с общероссийскими. Возник новый и весьма общественно активный слой «полуинтеллигентов», который проявил себя в будущих революционных событиях.

В монографии представлен оригинальный взгляд и на группы, из которых затем сформировался российский рабочий класс. Так же, как и в Западной Европе, люди, выполнявшие неквалифицированную физическую работу, в XVI–XVII вв. объединялись в корпорацию, имевшую на неё монопольное право. Но усиление крепостного права и увеличение числа беглых привело к тому, что работа такого характера стала закрепляться за «гулящими людьми». При этом на Русском Севере в связи с кризисом промысловой экономики уже в XVIII в. происходила пролетаризация бывших поморов-промысловиков, сопровождавшаяся ломкой семейных связей и крушением патриархальных авторитетов. Так формировался слой, с одной стороны, буйный и незаконнослушный, а с другой – занимавшийся трудом по принуждению, что не способствовало появлению действительно квалифицированных кадров. Поэтому не случайно в начале промышленной революции страна импортировала не только инженеров, но и квалифицированных рабочих-специалистов (ч. 1, с. 88, 92–93; ч. 2, с. 176–184). Вместе с тем автор показывает некоторые отличия сложившейся на Русском Севере трудовой этики. Она представляет существовавшие там формы артельной организации труда и отмечает их сотрудинческий характер (ч. 2, с. 187–191). Впрочем, в XIX в. артели в значительной степени сменились системой найма через подрядчика.

Несомненным достоинством книги является изучение слов, ранее мало привлекавших внимание исследователей, например, ремесленников и приказчиков. В ней описаны различия между кустарным и профессиональным занятием ремеслом, региональные особенности формирования «дополнительных» (по отношению к основной деятельности) промыслов, организация цехового само-

управления, производства товаров и их сбыта, воспроизводство кадров. На Русском Севере проявилась общая тенденция, состоявшая в том, что ремесленник так и не стал естественным кадром для промышленности, хотя к началу XX в. происходит упадок ремесленного производства из-за конкуренции с готовыми фабричными изделиями.

После 1882 г., когда рабочим законодательством был введён запрет на использование труда малолетних на промышленных предприятиях, начался последний взлёт ремесленного производства в связи с ростом числа желавших податься в ученики к ремесленным мастерам. Особенно интересно говорится в книге о традициях обучения мастерству – и о патриархальной домашней эксплуатации учеников, и о попечительской деятельности ремесленных организаций. Известный литературный персонаж Ванька Жуков в действительности не так уж сильно напоминал ученика в ремесленной мастерской, потому что условия ученичества регулировались обязательным контрактом, а обиженный всегда мог найти защиту прав в Ремесленном управлении (ч. 1, с. 262–263). Подлинного Ваньку Жукова можно было обнаружить скорее среди «торговых учеников» – будущих приказчиков, поскольку эта сфера никак не регулировалась. И взрослые приказчики оказывались в уязвимом положении: закон и власть строже относились к ним, чем к их хозяевам (ч. 1, с. 269, 272–273, 277). Очевидно, что приказчики были одной из наиболее незащищённых групп наёмных работников, и вместе с тем – одной из наиболее активных и мобильных профессиональных групп. Мои собственные исследования также свидетельствуют, что после 1917 г. именно среди приказчиков оказалось особенно много сторонников большевизма, ставших затем красными командирами и комиссарами, которые соединяли в себе достаточный уровень образования, фронтовой опыт и большой запас обид и злости.

В целом же в книге ясно прослеживается стремление автора понять механизм складывания региональных общественных групп, институтов, обычаев и процесс ломки этих особенностей за счёт усиления в социальной жизни Русского

Севера общенациональных элементов. Для современной российской историографии это новый подход. Автор обладает редкой профессиональной квалификацией – хорошая теоретическая подготовка, полученная ею в стенах Ленинградского государственного университета, сочетается с широким кругозором в области истории северного края.

Проведённое Т.И. Трошной исследование обладает многими ценными качествами. Вместе с тем оно не лишено и некоторых недостатков. Наиболее ощутимым из них является неудачная структура. В основу книги положены сословные и демографические признаки населения и социальные процессы, в которые оно было втянуто. Расположение материала по социальным институтам и группам вызвало частое повторение одних и тех же сюжетов. Возможно, целесообразнее было бы выстроить книгу по проблемно-хронологическому принципу, начав с

этапа формирования северорусского социума, когда под влиянием природных факторов закладывались его наиболее существенные черты, а затем проанализировать его трансформацию под воздействием политики государства, разбив на естественные этапы – раннеимперский, позднеимперский, советский.

В заключение хотелось бы отметить, что появление монографии Т.И. Трошной – ещё одно свидетельство пробуждения провинциальных исторических школ. К сожалению, и этот позитивный процесс не исключает складывания замкнутых региональных профессиональных сообществ, появления местных самодостаточных «классиков». Но в данной книге ясно ощущается желание учиться новому и делиться полученным знанием, стремление к общероссийскому диалогу с коллегами.

О.М. Морозова

Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX веков. Антология / Сост. А.Ю. Андреев, С.И. Посохов. М.: РОССПЭН, 2011. 528 с.

В рамках проекта Германского исторического института «*Ubi universitas, ibi Europa*» (лат. «где университет – там Европа»), поддержанного фондом Герды Хенкель, вышла в свет антология, составленная из памятников общественной мысли XVIII – начала XX в. по истории университетской идеи в России. Собранный в книге материал имеет непосредственную связь с другими трудами проекта: биографическим словарём «Иностранные профессора российских университетов (вторая половина XVIII – первая треть XIX в.)» (М., 2011) и готовящейся итоговой коллективной монографией об укоренении университетских традиций в академической культуре Российской империи. В то же время рецензируемая антология, несомненно, имеет и самостоятельную ценность, поскольку её хронологические рамки и широкий охват в ней вопросов, связанных с историей науки и высшего образования, позволяют со всей отчётливостью проследить этапы развития уни-

верситетской системы дореволюционной России.

Концептуальной основой антологии является понятие об «университетской идее», её восприятии и развитии в российской академической культуре. Какой же смысл вкладывают в него составители? Как указывается в предисловии, так обозначается «весь комплекс представлений об университете как таковом, о его целях и задачах, отношениях внутри университетской корпорации, а также между ней и окружающей общественной средой и государством» (с. 9). Отсюда можно понять, что «университетская идея» – это не набор застывших схем, а живая, меняющаяся часть общественного сознания. Она появляется в России вместе с потребностью в высшем образовании и первыми проектами его внедрения. Первые формы, которые она здесь принимает, были заимствованы из Западной Европы (прежде всего из Германии), и это лишь проявление общеевропейской закономер-